

ИСТОРИЯ МИДИИ В НОВЕЙШЕЙ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Continuity of Empire (?): Assyria, Media, Persia (History of the Ancient Near East / Monographs-V) / Ed. G.B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger. Padova, 2003. XI, 468 p., 22 pl.)

Одна из глав гимназического учебника по древней истории, изданного в XIX в., начиналась словами «история Мидян темна и непонятна». Но вряд ли автор учебника (Д.И. Иловайский) в поисках броской фразы представлял себе, насколько его слова окажутся пророческими. Впрочем, в последней четверти XIX и в течение почти всего XX в. сохранялось мнение, что Мидийское государство было огромной империей, существовавшей со времени разрушения ассирийской столицы Ниневии в 612 г. до н.э. и до победы персидского царя Кира над мидийцами в 550 г. и включавшей в себя Верхнюю Месопотамию, коренную территорию Ассирии, Персию, Элам, Дрангиану, Парфию, а также Малую Азию до р. Галис. Именно такое представление о Мидии сохранили античные источники. Однако в конце прошлого века начался пересмотр таких представлений, и историки начали перекраивать карту Ближнего Востока I тысячелетия до н.э. Начало новому подходу положила Х. Санчиси-Вердсбург, которая в 1988 г. поставила вопрос, действительно ли существовала Мидийская империя. При ответе на этот вопрос специалисты по античной историографии, историки ахеменидского периода и археологи разошлись во мнениях о характере Мидийского государства. Некоторые авторы начали выводить из состава Мидии одну за другой ее предполагаемые провинции и вассальные царства (Персию, Элам, Ассирию, Харран, Армению, Каппадокию, Дрангиану, Парфию и Арейю). Таким образом, Мидия начала превращаться в примитивное государственное образование, влияние и контуры которой ограничивались территорией города Экбатаны с прилегающей областью. Другие же историки придерживались традиционных представлений, основанных на античной традиции.

Такая противоречивая эволюция наших знаний о Мидии нашла обстоятельное отражение на конференции под названием «Продолжение империи (?): Ассирия, Мидия и Персия», проведенной в рамках программы сотрудничества между университетами Падуи, Инсбрука и Мюнхена в 2001 г., доклады которой опубликованы в рецензируемом томе. В нем преобладают статьи, авторы которых считают, что Мидийского царства по существу не было и что это была «федерация», не обладавшая никакими средствами для управления государством на огромной территории от Персии до Центральной Анатолии. Наиболее ярко это направление представлено в работах М. Ливерани, Дж. Ланфранки, К. Раднер, Дж. Рида, В. Хенкельмана, М. Юрсы. К их числу в определенной степени относится и статья Р. Роллингера. Традиционное представление о важной исторической роли Мидии, первоначально основанное на античных источниках и теперь подтверждаемое новыми исследованиями, представлено в многочисленных статьях Д. Стронаха, М. Роафа, Х. Гопник, Дж. Кертиса. Некоторые статьи посвящены более частным вопросам истории Мидии и ее культуры.

Рассмотрим вкратце содержание тома. В статье М. Ливерани (с. 1–12) предложена новая и достаточно экстравагантная модель развития истории Мидии. Отправной точкой его исследования является утверждение о том, что информация античных источников имеет два основных искажения относительно периода расцвета Мидийского государства и его политической структуры.

Согласно античной теории последовательности империй, существование Мидийской державы помещалось в промежуток времени после гибели Ассирии и до победы Кира над Астиагом, т.е. между 612 и 550 гг. до н.э. Греческие историки рассматривали Мидию как универсальную империю, модель которой соответствовала персидской и вообще восточной модели государства, с которой греки так или иначе были знакомы. Предлагаемая автором модель развития Мидийского государства основана на археологических материалах и данных клинописных источников. Ливерани считает существенным противоречие между постулируемым периодом расцвета Мидии после 612 г. и запустением процветавших прежде мидийских городов, начавшимся именно с этого времени (Нуши-и Джан I, Годин II/5 и Баба Джан Ш). Это запустение, по его мнению, подтверждается молчанием вавилонских источников о Мидии как о сильном государстве.

С другой стороны, Ливерани ставит вопрос о правомерности принятой последовательности империй: почему нужно выводить мидийскую модель из персидской, а не из предшествующей модели «вторичных государственных образований» района Загроса (термин, введенный С. Брауном)? Вторичными эти образования считаются потому, что их существование зависело от Ассирии. В

этом ключе и описаны выделяемые им три этапа развития мидийских племен. На *первом этапе* (750–670 гг. до н.э.) пастушеские племена, жившие вдоль торгового Хорасанского пути, поставляли в Ассирию скот и коней, что обусловило процветание определенных слоев населения и названных выше поселений. Захват Ассирией части мидийских областей привел к созданию там ассирийских городов, которые послужили «экономическим и идеологическим» образцом для местной элиты. На *втором этапе* (670–610) ассирийцы, по сути, передали власть местным вождям, которые богатели, контролируя Хорасанский путь; они же поставляли военный контингент ассирийскому царю. Но в 612 г. в союзе с Вавилонией мидийцы уничтожили Ассирию. Парадокс модели Ливерани состоит в характеристике *третьего этапа* (610–550): разрушив Ассирию, мидийцы уничтожили основу своего благосостояния и снова вернулись к примитивному существованию пастушеских племен – города были заброшены, никакой империи не было, из так называемого ассирийского наследия все, кроме Загроса, досталось Вавилонии. Та роль, которая в персидском наследии приписывалась Мидии, в действительности принадлежала Эламу.

Статья Ливерани провоцирует множество вопросов. Каким образом разрозненные пастушеские племена и их элита, роскошествовавшая на ассирийский манер, могли подготовить силы для разгрома Ассирии и почему они пошли на это? Против кого и зачем Кир вел три года войну? Почему греки не знали даже названия Элама? Почему сами персы выделяли среди прочих народов своей империи именно мидийцев, а не эламитов?

Представляется, что Ливерани построил свою модель на спорных положениях. Прежде всего он исходит из неоднозначной локализации изначальной Мидии в горах Загроса, предложенной Л. Левином¹. Локализация Мидии в долине Хамадан исключает историю «вторичных государственных образований» Загроса из мидийской истории: поэтому и по ряду других причин Баба Джан исключается из списка мидийских памятников. Нуш-и Джан не был заброшен, а был оставлен после сложной процедуры консервации храма, что скорее свидетельствует об идеологических или политических мотивах, нежели об обвинении ставших вновь «дикими» мидийцев (см. об этом статью Д. Стронаха в данном сборнике). Нужно также учитывать, что вавилонские хроники преуменьшали роль Мидии в разгромах Ассирии, что убедительно показано С. Завадским, и «сенсационное» молчание вавилонских источников о мощном Мидийском царстве как раз и согласуется с его выводами².

Статья Дж. Ланфранки (с. 79–118) посвящена политике Ассирии на востоке. Вслед за И.М. Дьяконовым, автор пришел к заключению о том, что ассирийская экспансия в район Загроса усиливалась накануне радикальных конфликтов между Ассирией и Урарту (при Тиглатпаласаре III и Саргоне II) или между Ассирией и Вавилонией или Эламом (при Синаххерибе). Непредсказуемое поведение разрозненных политических сил Загроса могло стать дестабилизирующим фактором, но путем непосредственного завоевания Ассирия могла изъять потенциальных союзников у противостоящей стороны. Конечной целью завоевания было включение местной элиты в сферу ассирийского влияния, часть которой становилась военным контингентом ассирийской армии. Единственной экономической выгодой была стабилизация поставок коней, что, по мнению автора, как раз и доказывает, что на востоке главным для Ассирии были военно-политические результаты (с. 104).

Рассматривая основные составляющие культурного предубеждения месопотамской элиты, которая, в частности, воспринимала жителей Загроса как варваров потому, что они были горами, Ланфранки абстрагирует некоторые сведения источников о Мидии и ее соседях. Так, известные запросы Асархаддона к оракулу бога Шамаша не отражают, по его мнению, конкретной реальности (беспочвенность ассирийцев по поводу засад и военных операций в мидийских районах, краж коней, предназначенных для отправки в Ассирию). Эти запросы – результат предвзятого взгляда элиты Месопотамии на горную периферию, где постоянно существовали эти негативные стереотипы. Их не следует рассматривать как реакцию ассирийской власти на растущий беспорядок в восточных провинциях (с. 89). Под этим же углом зрения рассмотрены известные топонимы: «могущественные мидийцы» (*Madāiu dannūti*), «далекие мидийцы» (*Madāiu gūqūti*) и др. Эти и подобные определения не имеют ничего общего ни с политическим, ни с социальным, ни с военным статусом мидийцев; таким образом подчеркивались, с одной стороны, их сущность горцев и варваров, что делало их более сопротивляемыми по сравнению с людьми долины, с другой – героизм ассирийских царей, которые победоносно с ними сражались (с. 90–92). Оба эти мнения – предвзятые и спорные. Если запросы были лишь неким стереотипом, то как понимать те из них, в которых речь идет об осадах восставшими конкретными городами, о предстоящих переговорах царя с вос-

¹ Levine L. Geographical Studies in the Neo-Assyrian Zagros // Iran. 1973–1974. Vol. 11–12.

² Zawadzki S. The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in the Light of the Nabopolassar Chronicle. Delft, 1988.

ставшими вождями и т.п.? Разве мог существовать стереотип переговоров царя с подданными? Не стоит ли за этим нежелание видеть «диких» горцев способными к самостоятельной политике и противостоянию, результаты которых сказались в 612 г.? Отмстим, что эпитеты «могущественные», «отдаленные» связаны только с мидийцами.

Рассматривая отдельно вопрос о депортациях из этого региона, автор отмечает отсутствие в текстах упоминания о мидийских депортациях. Этому обстоятельству предлагается сложное объяснение. Но, скорее всего, дело в том, что Мидия локализовалась восточнее Загроса и за исключением ее западных территорий так и не была завоевана ассирийцами.

В отличие от Ланфранки, который считает, что ассирийская политика в Загросе не была нацелена на создание системы эффективного и продолжительного контроля, А. Греско анализирует ассирийскую экспансию на восток именно с этих позиций и приходит к иным выводам (с. 65–78). Территорию Загроса, где существовали пути для сезонного перегона скота, можно было взять под эффективный контроль, только установив власть над конечными пунктами этих путей (городами, селениями, становищами), а также над горными проходами. Лишь захватив эти пункты, можно было контролировать всю систему полукочевого хозяйства региона. Это позволяло ассирийцам наладить регулярный приток дани и выполнение повинностей местным населением. В итоге это вело к увеличению спроса на продукты скотоводства и к основанию новых городов, что в долгосрочной перспективе было выгодно и для местного населения.

Совсем иначе выглядят причины взаимодействия Ассирии со странами Ирана и Мидии в статье К. Раднер (37–64). Тщательно проанализировав все сведения о Мидии в ассирийских источниках, Раднер, в отличие от Ланфранки, настаивает на том, что усиление ассирийской агрессии на востоке было связано с экономическими причинами – прежде всего с необходимостью поставки лошадей. Если в IX в. до н.э. ассирийцы могли получать коней из Внутренней Анатолии, то позднее Урарту перекрывает этот источник. И начиная с Адад-нерари III, который совершил восемь походов в Мидию, и вплоть до первой половины VII в., когда Асархадон и Ашшурбанапал завоевали Египет, другой важный источник поставки коней вместе с Кушем/Нубией, Иран был единственным поставщиком коней (с. 43). Далес она отмечает, что уже с IX в. мидийцы описываются как оседлый народ, живущий в городах (с. 41), и на основании этого выдвигает следующую гипотезу: мидийские укрепленные города были обиталищами «грабителей-баронов», которые вымогали дань/пошлину у проходящих караванов. Термин *bēl-āli* («правитель города») используется только для этой области, и его перевод *city lord*, возможно, соответствует предлагаемой интерпретации (с. 49, 52). Мидийцы, таким образом, наживали капитал на наиболее ценном своем преимуществе – важном торговом пути, проходящем через их территории, а также на владении конями и обладании искусством верховой езды. Эта гипотеза полностью опровергает предположение С. Брауна, согласно которому племенные кочевые общества Загроса и мидийцы в том числе жили по существу за счет Ассирии, на чем в значительной степени основываются построения Ливерани и Ланфранки.

Причина возвышения Мидии при Киаксаре и столь быстрое крушение Ассирии из-за отсутствия ассирийских источников этого времени остаются, согласно Раднер, необъяснимыми.

В другой статье К. Раднер (с. 119–128) рассматривается бронзовая пластинка с аккадской надписью и изображением бородатого человека в тиаре, которая по сведениям первоначального владельца была найдена в Хамадане. Пластинка датировалась Э. Херцфельдом IX в., И.М. Дьяконовым – между XI и IX вв., Раднер относит ее ко времени между 835 и 739 гг. до н.э. Она приписывается ее мидийскому владельцу Шилисруху из Бит-Иштар, где находилась святилище богини Иштар. Место это автор локализует возле Равансара в 57 км к северо-западу от Керманшаха. Отметим, что так далеко на запад мидийские владения в то время не простирались.

На вопрос – кто владел коренной территорией Ассирии после 612 г. – пытается ответить Дж. Кёртис (с. 157–167). Этот вопрос поставлен давно, но убедительного ответа пока нет. Автор вносит дополнительные штрихи в пользу отрицательного ответа – никто. Причем решающим аргументом становятся не письменные, а археологические свидетельства. Они рисуют картину страшного разрушения и последовавшего после 612 г. запустения в Ассирии, что и свидетельствует, по мнению Кёртиса, об отсутствии чего-либо государственного контроля над этой территорией. По-видимому, Вавилония время от времени пыталась утвердить свое присутствие здесь, но отдельные намеки на это в ряде мест бывшей Ассирии не складываются, по словам автора, в целостную картину. Присоединясь к сторонникам мидийского присутствия далеко на западе (мидийцы, которые сыграли столь видную роль в падении Ассирии, вряд ли бы откались от Сирии, Киликии и Ассирии в пользу Вавилона), Кёртис полагает, что мидийцы имели право прохода через территорию Ассирии (с. 167). Археологические доказательства их присутствия здесь неуловимы, так как неясно, в чем материально оно могло быть воплощено (с. 165). Главное наблюдение автора состоит в отсутствии признаков восстановления нормальной жизни в Ассирии. Нельзя не отме-

тить, что ситуация с брошенной и никому ненужной страной выглядит довольно странно. Но, впрочем, сказано же о ней в Библии: «...народ твой рассеялся по горам, и некому собрать его... ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?» (Наум 3:18–19).

В статье Дж. Рида (с. 149–156) много предположений, связанных с ассиро-мидийским взаимодействием, но четкое их доказательство отсутствует, и не всегда ясно их место в исторической реконструкции автора. Так, он излагает неоднократно высказываемое мнение о враждебности идеологий жителей Месопотамии и Иранского нагорья. Ассирийцы, рассматривая себя усердными земледельцами и прилежными слугами бога Ашшура, считали вправе наказывать и грабить презренных горцев, а те, в свою очередь, вероятно, смотрели на ассирийцев со смесью презрения и зависти, видя в них богатых эгоистичных задира, вооружающих их овец (с. 149–151). Но автор не ищет в этом антагонизме горожан и свободных членов племенной общины истоков причин случившегося со временем мидийского вторжения в Ассирию. Идеологические мотивы, оказывается, не играли существенной роли (с. 151). Хотя он ищет сходство между вторжениями гутиев, касситов, мидийцев и персов в Месопотамию, но считает, что мидийское вторжение имело одну особенность. Мидийцы были попросту нанятым Вавилонией союзником для борьбы с Ассирией, и в этом ответ Рида на вынесенный в заглавие статьи вопрос: «Почему мидийцы вторглись в Ассирию?» (с. 151, 154). И находит он этот ответ в вавилонских хрониках 616–607 гг., хотя, как представляется, его интерпретация описанных в них событий уже основана на этом утверждении, а не наоборот (с. 149, 152–155). Он считает, что нанятые мидийцы пришли в Ассирию и ушли, и никогда не владели ее территорией, как и многими другими. Читателю остается только заключить, что античные и библейские источники сохранили миф о царстве, которого никогда не существовало. В отличие от Кёртиса Рид пишет, что после своей полной победы вавилонские цари пожелали восстановить продуктивность разоренных земель и многих городов Ассирии: имеются свидетельства реконструкции Ашшура, Нимруда, Ниневии, Арралхи и, вероятно, Кирбит Касри (с. 156).

Противоречивы выводы Р. Роллингера в статье, посвященной пересмотру западных пределов мидийской экспансии (с. 289–319). По его мнению, а *regio* Мидия не могла владеть и управлять тем обширным государством, которое приписывают ей источники и исследователи. На деле это государство представляло собою некое «племенное» единство без политической стабильности и средств сдерживания. Персию Роллингер исключает из ее владений, соглашаясь с теми, кто считает персидское подчинение Мидии вымыслом. Что касается ее западных пределов, то подробный анализ источников позволяет автору ответить на два решающих вопроса: кто владел Северной Месопотамией и Сирией после 612 г., и присутствовали ли мидийцы в Центральной Анатолии в районе р. Галис. Хотя он и отмечает, что точные ответы отсутствуют, относительно первой проблемы его заключения достаточно категоричны. Он жестко определяет достоверность одних источников относительно Мидии и доказывает обратное в связи с другими. Так, вавилонские хроники, практически синхронные описанным в них событиям, с его точки зрения, бесспорно, доказывают вавилонское присутствие на коренной территории Ассирии и в Северной Месопотамии, Сирии и даже Киликии (с. 314). Однако в более поздних надписях Набонида имеются недвусмысленные доказательства пребывания мидийцев во всяком случае в Сирии. Но Роллингер объясняет это тем, что Набонид в политических целях приписал мидийцам разрушение ассирийского храма Эхульхуль в Харране (с. 301). Этот прием Набонида логичен лишь в том случае, если, как считает автор, эти земли принадлежали Вавилону, и разрушение там ассирийских святилищ (очевидно, в ходе войны) ставило серьезную проблему перед религиозными принципами вавилонян. И именно поэтому Набонид указал период мидийского владения Харраном с 610 по 556 г., ибо только воцарившись, он мог бы прогнать мидийцев и восстановить храм. Отметим, однако, что объяснение разночтений между хрониками и надписями Набонида может быть иным. Роллингер упускает из виду выявленную С. Завадским тенденциозность хроник относительно роли Мидии в падении Ассирии и позднее. Как раз более поздние надписи, возможно, приоткрывают правду о прошедших событиях, когда ситуация стала благоприятнее для Вавилона (вспомним, что о поражениях Ассирии можно иногда догадаться из сообщений более поздних текстов, когда ей удавалось изменить ситуацию в свою пользу).

Что касается второго вопроса, то его решение неожиданно осложняется новым чтением Хроники 7 (с. 6–7): И. Эльснер предложил вместо «Лидии» читать в ней «Урарту». В таком случае в 547 г. Кир нанес поражение царю Урарту. Правда, сам Эльснер предполагает, что Урарту было завоевано еще Мидией в конце VII в. до н.э., но восстало после победы Кира над Астиагом и было вновь завоевано Киrom (с. 315). Но Роллингер считает, что представление о завоевании Урарту Мидией восходит к известию Геродота о мидийском продвижении до р. Галис. Если попытаться доказать, что мидийцы не продвинулись так далеко на запад, то, следовательно, не было и завоевания Урарту.

Однако в отрицательном ответе на вопрос, была ли завоевана мидийцами территория у Галиса, т.е. Каппадокия, Роллингер не так уверен, как в решении первого вопроса. С одной стороны, Геродот голосовлен в своем утверждении о мидийском продвижении до р. Галис, ибо не сообщает о нем в подробностях. Но, с другой стороны, Роллингер затрудняется утверждать, что граница по Галису была фикцией (об этом он собирается писать в другой работе). Пока же он допускает, что мидийцы могли быть там короткое время (с. 317–318). Это мог быть союз племен под предводительством Киаксара, и такая федерация могла проводить военные операции в Восточной Анатолии и иметь какие-то контакты с западом, в пользу чего автор приводит ряд наблюдений (с. 317–318). В заключительных строках статьи приведены слова Геродота о битве между Киросом и Крезом, произошедшей по ту сторону Галиса (I. 72–76), что напоминает описание битвы между мидийцами и лидийцами в 585 г. Если добавить очень важную подробность (вопреки утверждению Роллингера об их отсутствии у Геродота при упоминании о мидийском продвижении на запад) о том, что до персов Каппадокией владели мидийцы (I. 72), то положительный ответ на второй вопрос автора более вероятен.

Сборник содержит еще одну статью Роллингера (с. 323–326), в которой он полемизирует с Г. Саммерсом относительно идентификации крепости Керкенес-Даг в Анатолии с Птерией, локализуемой Геродотом в Каппадокии недалеко от Синопы. Как подчеркивает Роллингер, Саммерс, полагая, что существование Мидийской империи – неоспоримый факт, считает Керкенес-Даг городом, основанным мидийцами после завоевания земель «по ту сторону Галиса». Роллингер, приведя контраргументы, указал на недавние находки там надписей на фригийском языке, наличие которых позволяет иначе взглянуть на историю этого региона. Однако наличие западных культурных связей этого города не исключает, на наш взгляд, присутствия в нем мидийцев, что и предполагалось Роллингером в первой статье (с. 317–318).

М. Юрса в статье о проблеме Мидийской «империи» по вавилонским источникам (с. 169–179) рассматривает вопрос о Мидии как связующем звене между Ассирией и Ахеменидской державой. Решение вопроса связано в первую очередь с проблемой определения принадлежности коренной Ассирии после 612 г. По его мнению, она находилась под властью вавилонян, для обоснования чего он ссылается, в частности, на текст из архива храма Эбаббарра в Сиппаре. Этот текст, относящийся к раннему периоду царствования Навуходоносора, упоминает наместника области Гузана в Верхней Месопотамии. Из этого Юрса делает вывод, что в бывшем административном центре в бассейне Хабуба находился вавилонский наместник. Другой текст, который, вероятно, относится ко времени Нериглиссара (559), упоминает наместника Ашшугра. Далее автор полемизирует с М. Дандамаевым, по мнению которого Ахемениды унаследовали свои административные традиции от Ассирии через посредничество Мидии (с. 174). Юрса же полагает, что по своей структуре и социальным институтам Вавилония, а не Ассирия, могла служить моделью для Ахеменидов. Однако нам по-прежнему представляется, что организация Ахеменидской державы скорее напоминает ассирийскую, нежели вавилонскую.

В статье И. Хенкельмана (с. 181–231) рассмотрены некоторые аспекты культурного взаимодействия персов, мидийцев и эламитов в новоэламский период. По его мнению, эламомидийские контакты невозможно доказать, тогда как эламо-ахеменидское культурное взаимодействие было продуктивным. Эти выводы сделаны на основе анализа «акропольских текстов» из Суз иклада, найденного в пещере Камакарране в Южном Лурьястане. Клад насчитывает 360 предметов, часть которых содержит новоэламские надписи. Стилистически многие изделия близки ахеменидскому искусству и, по-видимому, относятся к VI в. до н.э. В целом эламо-иранская культурная близость просматривается в писцовой традиции, в искусстве глиптики, иконографии, религии и титулатуре. Именно Элам, по мнению автора, был связующим звеном между культурами Месопотамии и Ирана (см. выше о статье М. Ливерани).

Ю. Визехёфер исследует вопрос о месте Мидии в последовательности древних империй (с. 391–396). В греко-римской традиции, начиная с Геродота, Мидия включалась в схему преемственности империй. В греческой историографии в эту схему входили Ассирия, Мидия, Персия, а позднее в нее была включена Селевкидская империя. После победы Помпея над Селевкидами (63 г. до н.э.) римские историографы дополнили концепцию четырех царств, включив туда в качестве пятого и последнего Римскую империю. В позднееврейской традиции (книга Даниила) место Ассирии занимает Вавилония. Но ни греко-римская, ни раннееврейская традиции не лишали Мидию ее выдающейся роли в истории. Только в поздней еврейской и христианской литературе второе место было идентифицировано как мидо-персидское, что лишило мидийцев, по мнению автора, самостоятельной роли в мировой истории. Однако эту идентификацию можно трактовать иначе: вместе с другими данными она может свидетельствовать в пользу того, что Ахемениды не были разрушителями Мидийского царства – произошла лишь смена династий внутри одного государства;

это Ахеменидское царство стало продолжением Мидийского, что только подчеркивает историческую роль последнего.

Д. Стронах предлагает новый материал, подтверждающий важную историческую роль Мидийского царства в период между 612 и 550 гг. до н.э., при этом он полагает, что пока не подтверждается гипотеза существования сильного Мидийского царства до 615 г. Он выступает против исключительно негативной интерпретации как археологического материала из раскопок изначально считавшихся мидийскими памятников Нуш-и Джан, Годин II и Хамадан (отметим, невключение в этот список Баба Джан-тепе), так и сведений о процветании царства в целом (с. 236 сл.). Некоторые исследователи полагают, что для определения границ коренной Мидии, ее культуры и культурного влияния данных Годин и Нуш-и Джан недостаточно; они не могут служить «маркером мидийской идентичности». К тому же запустение последнего, по мнению Ливерани (см. выше), скорее всего, отражает процесс «развала» Мидийского царства после 612 г. Возражая ему, Стронах подчеркивает, что город ок. 600 г. был мирно оставлен его жителями, предварительно законсервировавшими храм, что можно рассматривать как результат изменения религиозной практики или даже как эпизод местного значения, но не как «развал» государства. В пользу этого возражения свидетельствуют материалы раскопанного недавно тепе Озбаки в 70 км к западу от Тегерана, последний период обитания которого относится к VII/VI в. до н.э. Локализация поселения, материалы которого позволяют сближать его с названными мидийскими памятниками, расширяет границы коренной Мидии далеко на восток (Стронах всегда с сомнением относился к «короткой» географии Л. Левина, с. 246, прим. 38). Отсутствие здесь слоя запустения свидетельствует против жесткого вывода Ливерани и других исследователей об ослаблении Мидии после 612 г.

Стронах считает, что в 612–550 гг. мидийцы постоянно присутствовали за пределами своей иранской родины. На основе археологического материала он предлагает локализацию магистрального мидийского пути на запад: от Хорасанского пути через Эрбиль до района Кайсери (с. 246–247, рис. 8). Относительно Керкенес-Дага, материал которого – керамика и архитектура – как будто бы не соответствует тому, что сейчас считается мидийским, автор справедливо замечает, вовсе не обязательно считать, будто мидийцы сами строили города на завоеванной территории, это могли сделать для них местные власти.

В статье М. Роафа (с. 13–22) прослеживаются некоторые элементы ассирийского искусства, заимствованные персами. Анализ всех предлагавшихся возможностей позволяет автору считать гипотезу о мидийском посредничестве в этом процессе наиболее вероятной.

Ряд статей сборника содержит анализ археологического материала, позволяющий уточнять те или иные аспекты истории и культуры Мидии.

Так, Х. Гопник (с. 249–259) анализирует керамику из поселения Годин II (Загрос, долина Кангавар) конца VII – начала V в. до н.э. и делает некоторые предположения относительно природы распространения мидийской культуры. Высокий уровень станковой керамики, изготовленной профессиональными гончарами, и высокая степень стандартизации керамических форм, неожиданно появившаяся в это время, указывают на возросшую централизацию производства или по крайней мере на высокий уровень взаимодействия между гончарами. Возможно, что именно рост мидийской сферы экономической деятельности в Западном Иране мог создать ситуацию, приведшую к внутрирегиональной торговле различными товарами, в том числе и керамикой. Автор подчеркивает, что речь не идет о культурной или экономической ассимиляции, но именно о создании сети экономических взаимосвязей, которая позволила распространить эту керамику в Анатолию (Бастам), Среднюю Азию, Сузиану, Фарс. Этот керамический горизонт стал базой для керамики ахеменидского периода.

М.Р. Сараф (с. 269–279) излагает результаты раскопок археологической экспедиции на тепе Экбатана (Хамадан) в течение одиннадцати сезонов между 1983 и 1995 гг. Установлено, что город был построен согласно заранее разработанному плану и в его строительстве были вложены большие средства. Крепость с мощными оборонительными сооружениями подчеркивает военное и политическое значение города. Автор воздерживается от датировки обнаруженного строительного периода мидийским временем из-за отсутствия датирующего материала и прежде всего надписей. Отметим, однако, что столицы ахеменидского времени уже не имели мощных оборонительных сооружений.

С. Кроль в статье о мидийцах и персах в Закавказье (с. 281–287) представляет краткий анализ археологических данных Северо-Западного Ирана и Закавказья главным образом трех периодов: урартского, мидийского и ахеменидского (VII–V вв. до н.э.). Это позволяет автору не менее кратко обрисовать культурное взаимодействие обоих регионов. И если в Закавказье влияние культуры ахеменидского времени прослеживается в архитектуре, керамике и металлических изделиях, о мидийском влиянии говорить не приходится, так как, по мнению автора, нет четких представле-

ний о мидийской архитектуре и искусстве. Это утверждение не бесспорно, что видно из других статей этого сборника.

В статье Ф.М. Фалеса (с. 131–147) анализируется арамейская надпись на стеле VIII в., найденной близ Букана к юго-востоку от оз. Урмия, на территории Маннейского царства. По его мнению, надпись свидетельствует о распространении уже в это время арамейского языка и письма в Северо-Западном Иране, произошедшего, по-видимому, вследствие значительных депортаций населения с запада. Это, впрочем, не привело к двуязычию, поскольку арамейский язык был распространен среди небольшой группы населения: писцов, чиновников и знати (с. 142). Надпись на стеле, вероятно, зафиксировала договор антиассирийского союза между какой-то областью за Евфратом (из возможных кандидатов наиболее вероятен Арпад) и Маннейским царством, по-видимому, находившемся в это время в зависимости от Урарту (с. 146–147).

Р. Шмитт (с. 23–36) считает мидийский язык большой загадкой и отвергает распространенное мнение о том, что мидийские административные термины применялись в персидской лексике, поскольку трудно выделить лингвистические и диалектальные особенности, которые можно считать типичными только для мидийского языка. Он также склонен полагать, что мидийцы не имели своей письменности и пользовались ассиро-вавилонской клинописью.

Античные источники в связи с историей Мидии специально затронуты лишь в трех статьях. С. Парпола (с. 339–350) анализирует три рассказа из «Киропедии» Ксенофонта. Первый из них касается имени виночерпия Сака при дворе мидийского царя Астиага. Это имя иногда связывали тем или иным образом с кочевниками саками. Согласно Парполе, это имя является калькой ассирийского титула «виночерпия» – šāqiu, сохранившегося с тем же значением в арамейском языке в VI в. до н.э. (šāqu). Ошибочная атрибуция титула в качестве имени часто встречается в древневосточных текстах (с. 341). Подобное заимствование свидетельствует в пользу инкорпорированности мидийской элиты в культуру древнего Востока. Парпола рассматривает также упоминание Индии Ксенофонтом, полагая, что использование топонима «Индия» в контексте не очень понятно и, по-видимому, Ксенофонт спутал его с топонимом «Андия». Это предположение вызывает возражение. Андия – небольшая страна, расположенная к юго-востоку от оз. Урмия, в VII в. до н.э. уже не упоминается в источниках, будучи, очевидно, завоеванной Манной. Третий рассказ посвящен Гобрю, наместнику Гутума, области к западу от Мидии, который вместе с армией Кира вступил в Вавилон в 539 г. Это хорошо известное иранское имя, но Ксенофонт называет Гобрю ассирийцем. Парпола считает, что он действительно был ассирийцем, который перешел на сторону персов. Как полагает тот же ученый, в «Киропедии» в основном правильно дано описание мидийского двора, и информатором Ксенофонта в этом мог быть Кир Младший.

А. Панайно (с. 327–338) анализирует с точки зрения ираниста рассказ Геродота о захвате власти Дейоком и приходит к заключению, что автор этого сообщения был вдохновлен иранскими сагами.

В пространной статье К. Туплина (с. 350–389) детально рассмотрены свидетельства Ксенофонта о Мидии, содержащиеся в «Анабасисе» и «Киропедии» с учетом недавних дискуссий по этому поводу. Работа представляет часть его многолетнего проекта по составлению комментария к «Анабасису». Туплин давно уделяет внимание вопросу использования греками этнонимов «мидийцы» и «персы», которые часто являются взаимозаменяемыми. Он полагает, что обозначения «мидийцы» и «мидийское» используются, хотя и не исключительно, когда внимание греков концентрируется на империи как чуждой, безликой, военной и политической угрозе, для обозначения источника угрозы и страха. Однако в «Киропедии» наблюдается нечто другое, а именно контраст между уверенными в себе и самоотверженными персами и изнеженными, любящими роскошь и капризными мидийцами. В этом сочинении мидиец не предстает устрашающим завоевателем, что в целом характерно для греческого употребления этого этнонима, а является образцом женподобного самодура, который соответствует греческому стереотипу восточного правителя. Подоплека такого взгляда Ксенофонта, на наш взгляд, и так очевидна – ему необходимо было объяснить, почему Кир смог возложить Мидийское царство, ставшее Ахеменидским. Анализ смутных представлений Ксенофонта о географической карте Мидии и Персидской державы, который предпринял Туплин, в результате не дает ничего определенного по этому вопросу.

Книга завершается послесловием редакторов, в котором подведены итоги конференции (с. 397–406). В нем отмечается, что при обсуждении некоторых вопросов ее участники пришли к общему мнению относительно роли Мидии в древней истории, а в других остаются большие разногласия. Как видно из рецензируемого сборника, архсологи, ассириологи и античники могут прийти к совершенно противоположным мнениям, хотя они и основываются на одних и тех же источниках. Некогорые из них придерживаются максималистского взгляда, относя к подвластным Мидии территориям области от западных отрогов Загроса и Восточной Ассирии до Урарту и Персии. А минималистский взгляд сводит территорию Мидии к ничтожному пространству вокруг

Экбатан. Редакторы считают, что истину следует искать где-то между этими крайностями. Тем не менее они полагают, что описание Геродотом мидийцев как огромного этноса со столицей в Экбатанах не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками (однако добавим от себя, и не опровергаются ими). Далее, по мнению редакторов, невозможно быть уверенным даже в том, применялись ли гермины «мидийцы» и «Мидия» как самоназвание одного или многих государственных образований или же какой-то социальной группы многообразного района Загроса. При этом ассирийские, греческие и другие дефиниции могли быть основаны на наблюдении общих черт среди местных групп населения, а языковые сходства и религиозные верования могли не иметь большого значения. Понятие «Мидия» менялось с течением времени и не совпадало в ассиро-вавилонских источниках, Библии и в произведениях Ксенофонта. Таким образом, «Мидия» пока все еще остается плохо определяемой сущностью. Редакторы также отмечают, что сходство между Ассирийской и Ахеменидской империями очевидно и неизбежно, хотя каналы его передачи пока трудно установить.

Рецензенты хотели бы обратить внимание на два вопроса, от решения которых зависят те или иные оценки истории Мидии. Во многих статьях, за исключением статьи Д. Стронаха, авторы пользуются исторической географией Северо-Западного Ирана, разработанной Л. Левином, которая основана на «коротких» маршрутах ассирийских походов в Иран – по существу не далее гор Загроса (один из главных доводов в пользу «короткой» географии было отсутствие упоминаний в ассирийских анналах Экбатан). Соответственно коренная территория Мидии локализуется в горной стране Загроса, относительно недалеко от Ассирии. И во многих статьях (прежде всего М. Ливерани, Дж. Ланфранки, К. Раднер) такая локализация влияет на выводы авторов, на что уже было обращено внимание читателей. В отечественных исследованиях авторы и прежде помещали, и ныне локализуют Мидию восточнее Загроса – в долине Хамадан (с небольшим заходом в восточный Загрос) и до Мазендерана и Дешт-и Кевир на востоке (Сагбига/Сагбат = Экбатаны на западе, Патуш'арра = Патишхвар на востоке). От географии Левина в настоящее время историки начинают отказываться. В частности, Дж. Рид поддерживает восточную локализацию Мидии, и Д. Стронах в настоящем издании подтвердил ее новыми материалами.

Вопрос о причинах и времени возвышения Мидии не рассматривается в сборнике. Но даже сторонники традиционного направления полагают, что возвышение Мидийского царства не могло начаться ранее 615 г. до н.э. (Д. Стронах). Однако и а priori невозможно представить, чтобы Мидия за несколько лет смогла подготовить силы для разгрома Ассирии, если, конечно, не соглашаться с точкой зрения Дж. Рида, согласно которой мидийцы были всего лишь наемниками в антиассирийской войне 612 г. Рецензенты относят начало возвышения Мидии уже ко времени после успешного антиассирийского восстания в регионе в конце 670-х годов. Начиная с 660-х годов и вплоть до 615 г. до н.э. Мидия смогла подготовиться и противопоставить себя Ассирии, обезопасив свой тыл и увеличив материальные ресурсы (завоевание Урарту, Персии и Манны), укрепив свою армию и обретя союзников, способных бороться с ней (Вавилония).

Будем надеяться, что анализ доступных археологических и письменных материалов, рассмотренных в этом томе, и их оценка закладывают прочный фундамент для будущих исследований в области истории и культуры Мидии.

И.Н. Медведская, М.А. Дандамаев

© 2006 г.

B.H. MCLEAN. An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 BC – AD 337). Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. XX, 516 p., ill.

Издательство Мичиганского университета, одно из самых престижных издательств в области антиковедения, выпустило в свет новое пособие по греческой эпиграфике эллинистическо-римского периода, подготовленное канадским исследователем Брэдди Хадсоном Маклином. Книга посвящена Джойс Рейнольдс, одному из наиболее выдающихся эпиграфистов современности, которую автор считает своим учителем в области эпиграфики. Пособие Маклина заполняет важ-